

Протоиерей Владимир Федоров

Миссия и инославие

В настоящем кратком двадцатиминутном докладе считаю возможным лишь назвать направления дискуссии, которая представляется мне чрезвычайно необходимой, сформулировать несколько тезисов, заостряющих внимание на наиболее злободневных вопросах.

1. В структуре Богословской конференции тема нашей секции «Миссия и инославие» представлена на пленарных заседаниях очень важным, но, к сожалению, единственным аспектом, который отражен в докладе Высокопреосвященнейшего митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла «Церковь и мир». Тема секции «Миссия и инославие» является для конференции «Православие на пороге третьего тысячелетия», на мой взгляд, самой проблематичной из всех предложенных тем, а потому заслуживающей всеобщего обсуждения, нуждающейся в комплексной межсекционной дискуссии. Если по вопросам библеистики, церковной истории, патристики, православной духовности всегда есть проблемы и материал для дискуссии, то тема «Миссия и инославие» стала актуальной для Православия именно на пороге третьего тысячелетия. Двухтысячелетний опыт христианства в этом аспекте требует сегодня осмысления повсюду в мире, но более чем где-либо это актуально в России, в ситуации религиозного возрождения, в ситуации возникновения псевдорелигиозных тенденций, в ситуации, когда так часто вера подменяется идеологией, в ситуации, в которой всякий импульс к обновлению церковной жизни погашается фундаменталистской оппозицией, в ситуации, когда складываются принципиально новые отношения Церкви и государства, когда по-новому осмысливается тема «Церковь и культура». В этой ситуации необходимо всестороннее непредвзятое профессиональное и глубоко церковное обсуждение всех аспектов темы секции.

2. По существу секция обязана обсудить две самостоятельные, независимые темы: «Миссия Церкви на пороге третьего тысячелетия» и «Православное отношение к инославию», а также вытекающую из выводов названных дискуссий тему: «Межконфессиональное сотрудничество в деле христианской миссии». Поскольку самостоятельной секции «Миссия Церкви» у нас нет, необходимо хотя бы кратко объяснить, что мне представляется умест-

ным называть «миссией Церкви». Было бы, конечно, полезно услышать на нашей конференции представление результатов прошедшей в декабре 1999 г. очередной Всероссийской конференции епархиальных миссионеров и тем самым еще раз подчеркнуть необходимость миссиологии как богословской науки, отвести ей особое место в кругу церковно-богословских наук, не сужая ее область, не втискивая ее в круг церковно-практических дисциплин. Именно миссиология сегодня являет собой программу аналитической деятельности, формулирующей стратегию и тактику развития церковной жизни. Тема нашей конференции – это чисто миссиологическая тема, но миссиология у нас пока не осознана как венец богословского образования, а потому ей не уделяется достойное место. Достижением (и в некотором роде обновлением богословского образования) является включение миссиологии в состав круга обязательных дисциплин реформированных программ духовных учебных заведений.

Понятия «миссия», «миссионерство», «миссионер», «миссиология» требуют сегодня очень внимательного рассмотрения. Так, например, слово «миссия» имеет интересную и поучительную почти двухтысячелетнюю историю. Его современное употребление в русском языке отражает церковно-историческую перспективу и в то же самое время придает понятию «миссия» дополнительный и важный смысл. Обратим внимание на то, как далеко ушел от богословского понимания общеупотребительный смысл слова «миссия» и каков его общепринятый смысл в современном русском языке. Согласно толковому словарю¹ основные значения следующие: поручение, задание; предназначение к чему-либо важному, высокому, ответственная роль кого- или чего-либо; постоянное дипломатическое представительство; представители одного государства, посылаемые в другое государство со специальной целью.

Лишь пятое значение в словаре имеет церковный смысл – миссионерская организация. Таким образом, богословское, церковное понятие «миссия» вошло в современный литературный язык со значением высокого служения. Мы, православные, убеждены, что Церковь в современном обществе, как и всегда прежде, на протяжении уже почти двух тысячелетий, имеет чрезвычайно важное предназначение – миссионерское, которое не сводится только лишь к тому, чтобы способствовать обращению в христианство не христиан. Миссия как апостольство, как свидетельство, как евангелизация, как катехизация, как социальное служение, как воцерковление культуры, – все это суть аспекты миссии как задачи Церкви. Эти аспекты темы входят в сферу темы «Церковь и мир».

¹ Словарь русского языка в 4-х томах. М.: «Русский язык». 1986. Т. 2. С. 277.

3. Принципиально важным для православной миссиологии является анализ таких понятий, как обновление и реформа, а также усвоение опыта жизни Церкви в диалектическом единстве принципов акривии и икономии. С этой темой неразрывно связана тема «фундаментализм». Она заслуживает особого внимания и особого доклада в контексте конференции, обсуждающей богословские и церковные проблемы на пороге третьего тысячелетия. Феномен фундаментализма – это тема миссиологии, поскольку оценка перспектив миссии Церкви в значительной мере определяется отношением к этому феномену, соединяющему в себе буквализм в понимании священных текстов (недооценка и игнорирование экзегетики и герменевтики), навязывание конкретных форм благочестия (как правило силой), которые не являются всеобщими для всей Церкви или религиозной общины, отрицание творчества в богословии и литургической жизни Церкви, склонность к магизму и фетишизация отдельных элементов культа. Как правило, фундаментализм является следствием недостатка богословского образования и религиозного воспитания, обскурантистской установкой, усвоенной с детства, привычкой руководствоваться в жизни не верой, но идеологией. Фундаментализм обусловлен зачастую неверием в оздоравливающую и обновляющую силу таинственной жизни Церкви, а порой даже является проявлением комплекса неполноценности, если речь идет об отношении к инославью.

В этом контексте естественно обсуждать темы различных церковных реформ (которые в той или иной степени неоднократно имели место в Церкви), а также понятие «норма» в практике духовной жизни, например, Устава о посте. Здесь важно отметить, что феномен псевдоблагочестия известен нам не только из осуждения книжничества и фарисейства Спасителем, но и из опыта древней Церкви, из наставлений аскетов египетской пустыни, которые напоминали нам, что мы часто делаем неправильные акценты, и соблюдая те или иные правила, забываем, что гордыня страшнее несоблюдения взятого на себя подвига: «Лучше со смирением пасть, чем гордо преуспеть»¹.

Этот идеал смирения, этот аскетический принцип очень важно не забывать и в других сферах нашей церковной жизни. Все это имеет непосредственное отношение к феномену фундаментализма. Очень часто буквализм и акривию насаждают те, кто сам этими принципами не руководствуется.

Особого внимания заслуживает в контексте этого обсуждения отношение нашей Церкви к старообрядчеству. Можно и нужно

---

¹ Ср. также наставление Евагрия: «Аскеза со смирением хороша, аскеза без смирения опасна».

радоваться снятию клятв, улучшению взаимопонимания между Церквями, наличию единоверческой традиции, перспективам сотрудничества не только в социальном служении, но и в религиозном. Но это не означает, что мы имеем право сегодня отказаться от своего православного (как мы верим) отношения к принципу буквального соблюдения норм и обычаев предыдущего столетия и одновременному игнорированию норм и обрядов более древних или не уважать мнение Церкви, утверждающей необходимость признания новых форм церковной жизни.

От темы «фундаментализм» есть возможность перехода к теме «инославие», поскольку та же самая болезнь имеет место и в западном христианстве (причем как в католичестве, так и в протестантстве). Антикатолическая установка ревнителей Православия очень часто направлена именно на тенденции обновления богословия и церковной жизни римо-католической Церкви, в частности против аджорнаменто и Второго Ватиканского собора. Это парадоксально, поскольку именно «Собор аджорнаменто» создал атмосферу, максимально благоприятствующую для диалога и сотрудничества православных и католиков, именно этот собор открыл для многих католиков доступ к духовным сокровищам восточно-православной традиции. К сожалению, все чаще в православной церковной прессе и в отдельных выступлениях православных богословов встречается немотивированная критика Второго Ватиканского собора и игнорирование его достижений и тенденций, которые являются и для нас, православных, принципиально важными.

5. Православное отношение к инославию¹ может быть сформулировано сегодня лишь на основе ясных православных экклезиологических воззрений. По существу вопрос сводится к теме «границы Церкви». Сегодня в России догматическое богословие в целом и экклезиология в частности недостаточно разработаны. До сих пор в духовных школах нет обстоятельного усвоения экклезиологических трудов профессоров-протоиереев Георгия Флоровского, Николая Афанасьева, Сергия Булгакова. Именно эти богословы обратили внимание католического и лютеранс-

---

¹ Прежде чем обсуждать тему «Православие и инославие» следует отметить, что слово «инославие» смущает некоторых наших христианских братьев. Так, например, не считает его возможным употреблять один русский католический священник и предлагает говорить о других традициях, о других Церквях. Мне это не кажется оправданным, поскольку имеет чисто конфессиональный оттенок и не воспринимается в сознании современного человека как анти-православие или против-православие. В таком случае православный человек может обижаться, когда его называют не-католиком, поскольку тем самым отрицают его католичность. Эти парадоксы истории понятий нужно знать, но вряд ли имеет смысл быть здесь «пуристом».

кого богословия на православный подход к учению о Церкви, который основан на святоотеческом предании и в то же самое время вдохновляет современных богословов других традиций.

В теме «Православие и инославие» сегодня принципиально важно затронуть понятие «экуменизм» и отношение Русской Православной Церкви к экуменизму. Конечно, это требует также самостоятельного доклада. Но в контексте нашей темы отмечу только, что необходимо нам, православным, хотя бы навести порядок в словоупотреблении, в богословской терминологии. Конечно, ответственность прежде всего лежит на духовных школах, а стало быть на Учебном комитете, который вместе с Богословской комиссией должен принять допустимый вариант программ и характера изложения предметов и тем: «Западные исповедания», «Сравнительное богословие», «Экуменизм и межцерковные отношения», «Древние Восточные Церкви». Об экуменизме все говорят что им вздумается, поскольку никаких нормативных определений экуменизма в системе нашего духовного образования никогда не было (что вполне естественно). Поэтому и возникают лозунги типа «экуменизм – ересь XX века» или даже «всеересь». Никакого учения, течения мысли, секты, Церкви с именем «экуменизм» никогда не было и нет. Были «экуменические соборы» и остаются для нас таковыми, то есть вселенскими. Публицисты и «борцы за чистоту Православия» сами создают некие образы врага (иногда это ветряные мельницы благородного, но больного сознания, иногда ловко и хитро смастеренные) и с жаром с ними борются. Наиболее изощренные из них сами поясняют, что возможно понимать экуменизм в десяти вариантах, и вот с одним из них, десятым, необходимо бороться. Остается неясным, кто из христианских богословов (не имею в виду нехристиан-бахаистов и им подобных) или, что еще интересней, православных богословов этот десятый вариант «исповедует». Такой принцип полемики – принцип типа «если врагов нет, их изобретают». Хуже, правда, когда людей невиновных обличают как «врагов народа» или как «врагов Православия». Такая большевистская метода, увы, проникла к нам в Церковь в период либерализации и сильно повлияла на представление о Православии у людей неправославных.

6. В теме «православное отношение к инославию» есть не только догматические, но и пастырские, и духовно-аскетические аспекты. Сегодня, если мы действительно обеспокоены перспективой миссии Церкви, результатами православного свидетельства, мы должны внимательно относиться к тому, как воспринимается наш тон, наши слова, наши манеры людьми, к которым мы обращаемся. Увы, мы порой утверждаем (как сказано в одной православной статье о миссии), что «миссия – это, по существу,

борьба с бесами», мы довольно часто заявляем, что все, кроме православных, – еретики. Вполне произвольный, недогматический термин, скорее образ – «церковь-сестра» воспринимается нами в штыки, агрессивность полемики так высока, что вряд ли кому в голову придет, что смирение и любовь к ближнему действительно являются величайшими ценностями и добродетелями в Православии. В этой ситуации полезно также задуматься о том, как нас, православных, воспринимают инославные христиане, верующие других религий или неверующие, подумать, важен ли в деле миссии образ (точнее, имидж) проповедника, пустое ли это понятие – «репутация» Церкви в окружающем мире.

7. Судя по разговорам с людьми нецерковными, судя по статьям о Православии в России в зарубежной прессе, репутация Православной Церкви в последние 5–6 лет сильно страдает от высокомерных и нескромных заявлений, от постоянных обличений «еретиков», от осуждений Запада во всех грехах, от обвинений его в бездуховности, причем от обвинения его и в том, что является частью нашей собственной церковной жизни. Отмечу хотя бы один момент. Как часто мы заявляем о ненавистном нам западном схоластическом влиянии, о юридическом подходе в богословии! Но мы даже не пытаемся проанализировать этот феномен. Все мы знаем, что наше богословское образование вплоть до конца XIX в. в той или иной степени испытывало западное влияние. Это влияние имело место не потому, что это была агрессия, а потому, что другого пути к постепенному созиданию своей православной системы академического богословия не было. Речь идет о схоластике в том смысле, в котором это слово у нас употребляется, то есть о школярстве, о неизбежной схематизации и упрощении с элементами юридикзма. Отсюда стандартная форма вопросов и ответов для катехизиса. Катехизис – не догматико-богословский трактат, но ученическое пособие. Этот этап был неизбежен. И западное богословие его уже преодолело. Мы же только начинаем преодолевать. Поэтому штамп «схоластическое» или «западное» влияние нужно использовать осторожно. Обвинения в бездуховности Запада – это отвержение святых и подвижников, непризнание роли Церкви в деле формирования европейской и мировой культуры, отрицание христианской литературы, музыки, архитектуры и изобразительного искусства на Западе. Все это воспринимается, во-первых, как мракобесие, а во-вторых, как грубое и агрессивное презрение к искренним и благочестивым поискам Истины, поискам пути ко Христу миллионов простых людей, выросших за пределами влияния византийской традиции.

8. Сегодня не ново говорить о том, что в деле преодоления секуляризации и в противостоянии хаосу, в деле помощи людям

в обретении религиозного чувства, помощи в духовном прозрении, в деле восстановления и построения христианской культуры необходимо сотрудничество не только с Богом, но и со всеми, кто искренно стремится к Нему, и прежде всего с теми, кто понял, что преодолеть смерть можно только на пути ко Христу – Логосу, противостоящему смерти – хаосу. О необходимости такого межконфессионального сотрудничества, о возможных его формах говорилось хотя много, но все же еще недостаточно. В настоящем докладе вынужден ограничиться лишь сформулированными тезисами, но, надеюсь, что дискуссия позволит раскрыть те или иные тезисы и привести поясняющие примеры.

9. В заключение остается отметить, что, наверное, самая главная богословская проблема в затронутой теме, это православное понимание единства, о котором говорит Спаситель, о котором мы молимся за Божественной литургией. Это православное понимание высвечивает и мотивы межконфессионального сотрудничества. Сотрудничество единомышленников, единокоренных (в смысле их устремленности) людей не потому необходимо, что оно более эффективно, сулит те или иные преимущества, но потому, что оно обусловлено центром нашей системы ценностей – Самим Богочеловеком, ибо Он будет среди нас, если мы соберемся не во имя наших конфессиональных, национальных, культурных, государственных или каких-либо других ценностей, но во имя Его Самого, во имя Господа нашего Иисуса Христа.